

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

Е.В. Ишменев

Ишменев
Евгений Васильевич

аспирант ИФиП УрО РАН,
доцент МАДИ

Рост значения СМИ в современном политическом процессе формирует потребность теоретического осмысления информационной сферы с точки зрения ее воздействия на развитие социально-политических конфликтов. В этой связи, не достаточно определить специфику сферы информации в ее отношении к «внешней» реальности, но следует рассмотреть информацию как инструмент социального «взаимодействия», от которого во многом зависит развитие и разрешение конфликта. То есть деятельность СМИ должна быть рассмотрена не просто с точки зрения функции освещения конфликтной ситуации, но и как способ влияния на эту ситуацию. Отправным примером в этом случае может служить анализ ситуации военного конфликта, предложенный новозеландским исследователем Дональдом Мэтьюсоном. В своей работе «Медиа-дискурсы. Анализ медиатекстов» он указывает на пример вооруженного конфликта, который еще до вступления в активную фазу получает определенную форму в рамках посланий СМИ. В этом случае «война может случиться, если она структурирована в формулировках оправдания и прославления»¹.

Представленный пример свидетельствует о чисто метафизическом прочтении конфликтной ситуации. Используя факты и события «внешней» реальности, СМИ имеют возможность представлять эту реальность с позиций ее возможного изменения. Тем самым СМИ оказываются способными определять цель политического процесса. При этом важно, что сценарий событий, предложенный СМИ, совсем не обязательно должен получить

объективное подтверждение. Последнее обстоятельство становится проблемным для тех исследователей, которые рассматривают объективность информации как «залог» свободы индивида относительно разного рода манипуляций СМИ. Так, сторонники позитивистских подходов трактуют информацию как результат «отражения» объективных закономерностей и настаивают на возможности ее верификации. Одним из способов верификации является использование строгих научных методов и экспертных оценок при формировании информационных посланий. Однако в рамках такого подхода встает проблема соотношения различных символических форм, используемых при отражении *социальной* действительности. Многообразие форм презентации содержит в себе предпосылки для возникновения *непонимания* информации аудиторией во взаимодействии со СМИ. «В мире, где производство информации шире, чем ее потребление, индивидуальное внимание неизбежно отвлекается от содержания послания к его форме. Н. Фэрклоу называет это нормальным взаимодействием»². Примером здесь может служить ситуация «избыточности» информационных потоков. Ее суть заключается в том, что многообразие потоков производимой информации не соответствует способности аудитории соотнести эти потоки между собой. В общем виде проблема избытка информации поставлена в работе Федорова А. В. «Информационная безопасность в мировом политическом процессе», в которой автор связывает кризис теории информационного общества с «преувеличением» значения количества производимой информации как критерия социального развития»³.

Альтернативная трактовка информации представлена в теории социального конструктивизма. В рамках данной теории устанавливается связь между способом конструирования информации и ценностными (моральными) предпочтениями СМИ. В свою очередь, способ взаимодействия СМИ и аудитории находится в зависимости от ценностей и традиций, которые

существуют в обществе. Однако в конструктивистской теории мало говорится о том, каким образом ценностные предпосылки конструируемой информации соотносятся с интерпретируемой реальностью. Встает вопрос о том, насколько вообще эта реальность необходима для создания информационного сообщения. Не замещает ли собой социальное конструирование те метафизические формы информации, которые критикуются представителями теории «отражения»?

Оригинальная трактовка проблемы метафизических конструктов, обнаруживаемых в сфере социально-политических отношений, представлена в дискурсивной теории постструктуралистов. Как и в случае позитивизма, критика метафизики постструктуралистами объясняется угрозой того, что метафизическая форма в дискурсе вытеснит объективность настолько, что возвращение к этой объективности окажется не возможным. Однако определение объектов дискурса в постструктурализме принципиально отличается от позитивистского прочтения. Так, М. Фуко в своей работе «Археология знания», рассматривая объекты дискурса, указывает на их *неструктурированный* характер. Одним из примеров для него является совокупность не связанных статистических данных, которые на уровне дискурсивной практики формализуются и предстают перед исследователем в виде текста⁴.

Формализация объектов дискурса предполагает использование определенных мыслительных и языковых форм. В отличие от позитивистского понимания в постструктурализме отражение внешней действительности зависит от формы социально-политического взаимодействия. То есть форма дискурсивной практики задает значение и смысл объектов дискурса, что обеспечивает *взаимопонимание* между участниками социальных отношений. «Воссоздание социальной реальности является функцией любого дискурса объекта. Обычно это реализуется путем формирования коллективной идентичности. Эта функция дискурса объекта – формирование коллективной идентичности – является основополагающей, остальные функции могут быть реализованы только при условии апеллирования к ней как

к базовой»⁵. Как уже было замечено, область значений и объектов дискурса относятся к разным уровням структурированности. Объекты дискурса можно определить как референт по отношению к образуемым значениям дискурса. Парадокс постструктуралистской критики метафизики, заключающийся в неспособности критика выйти за пределы метафизических форм, *объясняется* спецификой дискурсивного мышления. Такое мышление всегда связано с необходимостью обращения к некоторой мыслительной форме, где суть последней – «различие» объективного и символического. Именно способ различения референта и его значения задает *конвенцию* на область дискурсивных значений. В этой связи, не удивительно, что введение категории различия имеет принципиальное значение для постструктуралистской теории, поскольку данная категория определяет форму дискурса.

Важный вклад в развитие методов анализа информационной сферы внесли исследователи политического медиа-дискурса. Учитывая опыт предшественников, представители данного направления поставили вопрос о возможной степени замещения уровня дискурсивных объектов формальным уровнем дискурса. В рамках системного подхода к анализу дискурса было установлено, что дискурсивная форма способна заменять собой область дискурсивных объектов. То есть форма социального взаимодействия может рассматриваться в качестве референта для дискурсивной практики. Эта ситуация была определена как «натурализация» дискурса. С одной стороны, натурализация дискурса СМИ может свидетельствовать о существовании конвенции во взаимодействии аудитории и СМИ. С другой стороны, возможна ситуация, когда конвенция присутствует исключительно на уровне СМИ. «Эта ситуация проявляется в том, что тексты означают не то же самое для производителей (информации), что и для аудитории»⁶.

В соответствии с предложенными способами рассмотрения информационной сферы, можно выделить основные варианты влияния СМИ на развитие социально-политического конфликта:

1) Высокая степень верификации дискурса

СМИ свидетельствует о том, что в информационной сфере объективно отражается развитие конфликта. Если же аудитория принимает форму взаимодействия со СМИ, то деятельность последних предоставляет возможность контроля за тем, как протекает конфликт.

2) Малая структурированность объектов дискурса СМИ свидетельствует о том, что освещение конфликта зависит от способа формализации дискурса. Поскольку объекты дискурса являются мало структурированными, то способ формализации дискурса СМИ коррелирует с тем, как нормы социального взаимодействия соотносятся с областью неструктурированных объектов. Так, например, развлекательный или новостной жанр СМИ по-разному соотносят свою аудиторию и ситуацию конфликта. При этом важно учитывать, что способы формализации могут варьироваться, в зависимости от выбора тех объектов дискурса, к которым обращаются СМИ. Поэтому освещение конфликта в этом случае содержит в себе предпосылки для возникновения конфликта в рамках информационной сферы.

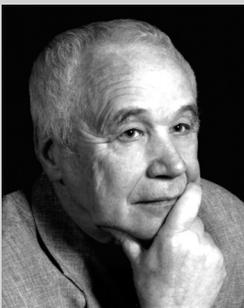
3) Натурализация дискурса СМИ свиде-

тельствует о том, что в способах освещения конфликта большее значение имеет форма, чем содержание. Аудитория в этом случае ориентирована не на количество предоставляемого фактического материала, а на качество взаимодействия со СМИ. Формат СМИ следует рассматривать как форму социального консенсуса. Деятельность СМИ не направлена на формирование определенного отношения аудитории к конфликту, а является отражением этого отношения. Исключением здесь оказывается ситуация, когда аудитория проявляет малый интерес к взаимодействию со СМИ.

1. Matheson D. Media Discourses. Analysing Media Texts. Open University, 2005. P. 4.
2. Fox, J., Fox R. The power-discourse relationship in a Croatian higher education setting. Education Policy Analysis Archives. <http://epaa.asu.edu/epaa/v10n5.html>
3. Федоров А. Информационная безопасность в мировом политическом процессе. М., 2006. С. 220.
4. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 416.
5. Михалева О. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки. <http://www.rus-lang.com/about/group/mikhaleva/state15/>
6. Talbot M. Media Discourse. Representation and Interaction. Edinburgh University Press, 2007. P. 7.

ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ: ИСКУШЕНИЕ ВОСТОКОМ

Б.В. Емельянов

Емельянов
Борис Владимирович

доктор философских наук, профессор УрГУ, академик МАДИ

«Человек есть тайна!» Один – маленькая тайна, другой – большая, третий – очень большая тайна. Жизнь и творчество Е.П. Блаватской – очень большая тайна. Над этой тайной бились современники, многие загадки ее фантастической жизни не раскрыты до сих пор. Даже для дотошных исследователей Блаватская остается

«сфинксом XIX столетия».

Меня в этой ее тайне волнует лишь одна ее сторона: как и почему эта удивительная женщина, не имевшая образования, вела научные споры (и выигрывала их!) с выдающимися учеными, а в своих книгах ставила и обосновывала проблемы, которые до сих пор не имеют решений.

Ответ я вижу таким. Семнадцатилетняя Елена фон Гран (такова ее девичья фамилия, а род восходил к Рюрику и князьям Долгоруким) вышла замуж за вице-губернатора Эриванской губернии Блаватского, который был старше ее втрое. Желая остаться свободной, она сразу же покидает мужа и на несколько лет исчезает из поля зрения родных. Посещая Египет и Южную Америку (Мексика, Перу), Блаватская всякий раз интересовалась оккультными знаниями